

Свет золотой луны

Николай Агафонов

Современная проза (Никея)

Николай Агафонов

Свет золотой луны (сборник)

«Никея»

2010

Агафонов Н.

Свет золотой луны (сборник) / Н. Агафонов — «Никея»,
2010 — (Современная проза (Никея))

В новую книгу священника Николая Агафонова включены три повести об испытаниях веры, надежды и любви православных в двадцатом веке – от революции и гражданской войны, через Соловки и ссылки, ранения на Великой Отечественной и плен в Чечне... Труден этот путь – к себе, вере. Эти повести найдут отклик в сердце каждого – ведь они о главном в нашей жизни. Свои отзывы и вопросы читатели могут присылать на личный сайт писателя kirsat.narod.ru.

© Агафонов Н., 2010

© Никея, 2010

Содержание

Да исправится молитва моя	6
Пролог	6
Глава 1. Няня	8
Глава 2. Оля	11
Глава 3. Решение	14
Глава 4. Отец Владимир	16
Глава 5. Монастырь	18
Глава 6. Акулина	20
Глава 7. Испытания	23
Глава 8. Послушница	25
Глава 9. Тураньев	27
Глава 10. Беснование безбожников	30
Глава 11. Монахиня Корнилия	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Протоиерей Николай Агафонов

Свет золотой луны. Повести

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви № ИС 10-11-0939

© ООО «Никея», 2010

© Агафонов Николай, протоиерей, 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Да исправится молитва моя

Повесть

Пролог

Выстрелы еще слышались, но уже в отдалении. Анна огляделась. Поле, слегка припорошенное снегом, казалось серым, мертвенным. Таким же мертвенным, как и лицо майора Коновалова. Эту мертвенность подчеркивали багровые пятна, проступившие сквозь бинты, и безучастный взгляд раненого. Анна уже пыталась тащить раненого, но эти бесплодные попытки пришлось оставить. Слишком грузен был майор, ее хрупких сил не хватало. Подумывала ползти за подмогой, но именно этот взгляд, безразличный к собственной судьбе и вообще ко всему вокруг, удерживал медсестру. Ей казалось, что жизнь в Коновалове теплится лишь благодаря ее присутствию, а отползи она на несколько шагов, и уже не понадобится никакая подмога.

– Потерпите, товарищ майор, – сказала Анна и увидела, как на мгновение ожил взгляд майора, а его лицо дернулось, словно от ухмылки. Затем взгляд вновь потух.

Женщина в отчаянии еще раз огляделась – сквозь дымку, застилающую искореженное взрывами поле, ей почудилось движение. Мелькнули силуэты в серых шинелях.

– Боже милостивый! Да это же свои. – Анна вскочила и замахала руками: – Эй, сюда! Сюда! – И тут же почувствовала острый толчок в спину.

Она с удивлением поглядела назад. Никого, только вдруг небо дрогнуло, а затем, словно гигантская карусель, провернулось на невидимой оси раз, потом другой.

– Господи помилуй! – прошептала Анна, и земля вздыбилась и ударила женщину своей мерзлой твердью в лицо. Обжигающая боль заполнила все ее существо, а затем и небо, и боль, и страх, и отчаяние погрузились в непроглядную тьму.

Впереди что-то светлело. Анна шагнула к свету и оказалась в храме. Храм сиял белизной, словно умытый солнечным светом. Мимо нее прошли три юные гимназистки с нотами в руках. Анна чуть не вскрикнула, признав в одной из девушек свою сестру Олю, но та обернулась и прижала палец к губам. Анна сдержалась и последовала за сестрой, одновременно вдруг осознав, что она сама и есть одна из этих девушек-гимназисток. «Это же сон», – догадалась Анна и тут же испугалась, что может проснуться. Возле амвона они опустились на колени и запели. Хрустальная чистота трехголосного созвучия вознесла под своды купола Божественные слова псалмопевца: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку мою...»

В священнике, стоящем у престола, Анна узнала протоиерея Владимира Каноникова, расстрелянного красными в восемнадцатом. От его кадиланицы струился розовый дымок, маленькими облачками медленно выплывая из раскрытых Царских врат, наполняя храм душистой легкостью аромата. Свет стал меркнуть. Анна оглянулась и увидела, что стоит уже одна, и не в храме, а посреди лагерного барака. Барак был пустым и потому казался особенно мрачным. Она осмотрелась в надежде увидеть хоть кого-нибудь. Ни единой души, только голые нары. Сердце сжалось. Все тело налилось тяжестью, так что захотелось лечь на нары. Но при этом Анна понимала, что если она сейчас ляжет, то уже никогда не встанет. Она опустила на колени и запела:

– Господи! Воззвах к Тебе, услыши мя, вонми гласу моления моего, внемди воззвати ми к Тебе!

И с первыми словами молитвы барак просветлел. Стены его раздвинулись и стали прозрачными. Она вновь была посреди храма, но уже в окружении монахинь и послушниц мона-

стыря. Они пели тот же прокимен. Анна оглянулась. На игуменском месте стояла матушка настоятельница. Она вначале приветливо улыбнулась Анне, а затем слегка погрозила ей пальцем: мол, не смей отвлекаться на службе.

Сознание возвращалось постепенно. Сначала мир ожил в звуках чьих-то голосов, шепота, скрипа и шуршания. Потом пришла память. Память о жгучей боли. Веки ее дрогнули, но открывать глаза было страшно. Казалось, если их открыть, вернется боль. В ее сознании продолжал звучать великопостный прокимен: «Положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устах моих».

Пожилая санитарка, сидевшая возле ее кровати, отложила спицы с вязаньем и прислушалась. Не разобрав, что шепчет раненая, она встала и торопливо вышла из палаты.

Анна вновь услышала голоса и наконец решилась открыть глаза. Прямо над собою увидела склоненное лицо подполковника медицинской службы Смышлянского.

«Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех», – мысленно произнесла Анна окончание прокимна, но губы при этом у нее дрогнули. Смышлянский подумал, что она собирается заговорить, и испуганно замахал рукой:

– Не разговаривайте, Анна Александровна, не надо! Лежите спокойно.

По щекам Анны потекли слезы, исчезая в бинтах, тугой повязкой обрамлявших лицо.

– Ну что вы, голубушка? Теперь-то чего? – пробормотал в растерянности доктор и обернулся к санитарке: – Надежда Ивановна, два кубика, пожалуйста, и можно дать теплой водички.

После укола и нескольких глотков воды Анна заснула. Когда проснулась, было уже утро. На побеленном потолке палаты играли солнечные блики. Она вспомнила, как ее старенькая няня, Анисия Егоровна, уверяла их с сестрой Олей, что это не солнечные зайчики, как их обычно называли, а свет, исходящий от Ангелов, когда они прилетают в чей-нибудь дом.

Глава 1. Няня

Снег лежал везде. На тротуаре, на крышах соседних домов, на деревьях. На попоне, прикрывавшей спину понурой кобылки, запряженной в сани. На картузе и сутулых плечах кучера, что ожидал седока напротив их дома. Даже пышные усы и борода извозчика были покрыты инеем.

Сестренки Берестовы, Оля шести и Аня пяти лет, уткнулись разгоряченными лбами в холодное оконное стекло. Ямщик дремал. Смешной кучер, как можно дремать на морозе? А может, он не кучер, а Дед Мороз? Оля и Аня прыснули смехом от такого нелепого предположения. Этого ямщика они видели много раз и раньше. Но где же тогда Дед Мороз? До того как прилипнуть к окну, они с визгом и хохотом носились по залу. Их мама, Анастасия Аркадьевна, вместе с горничной Полиной наряжала елку. Вначале девочки тоже помогали взрослым, пока можно было вешать игрушки на нижние ветки. Потом начали шалить. Анастасия Аркадьевна прикрикнула на них, а когда сестры присмирели, предложила им подойти к окну и попросить у Деда Мороза подарков на Рождество.

В доме Александра Всеволодовича Берестова, директора мужской классической гимназии, как и во всех прочих домах уездного города Кузьминска, готовились к встрече Рождества и нового, 1906 года. Менялись ковры и портьеры во всем доме. Этот ритуал неизменно совершался к Рождеству и Пасхе, чтобы подчеркнуть особую торжественность события. Дом действительно словно преображался, но Александр Всеволодович каждый раз подтрунивал над этим обычаем, называя его купеческим. Его супруга, Анастасия Аркадьевна, уязвленная иронией мужа, в долгу не оставалась:

– Милый мой, у тебя кругозор уездного дворянина. А между прочим, в Петербурге, в домах аристократов, к Рождеству и Пасхе тоже настилают праздничные ковры и меняют портьеры.

Анастасия Аркадьевна, дочь отставного полковника от инфантерии, получила образование в Петербургском пансионе благородных девиц. Она так никогда и не смирилась с пребыванием в глухой провинции и считала свою жизнь загубленной. Если она о чем-то беседовала с приходившими к ним гостями, то всякий раз поворачивала разговор к воспоминаниям о Петербурге. Александр Всеволодович и в этом случае не отказывал себе в удовольствии беззлбно подшучивать над столичной ностальгией супруги. К разладу в семье эти взаимные колкости не приводили, а лишь повышали тонус общего настроения.

Оля обернулась от окна:

– Мама, там нет Деда Мороза, только кучер один.

– А вы крикните, Дед Мороз вас и услышит, – заверила девочек Анастасия Аркадьевна.

– Дедушка Мороз, мне куклу!

– И мне куклу!

– Хитренькая, я первая крикнула!

– Ну и что? Зато я громче.

Все закончилось очередной ссорой, и сестренки с плачем разошлись по разным комнатам.

Но, как гласит русская поговорка, «вместе тошно, а врозь скучно», и вскоре девочки, позабыв обо всех огорчениях, побежали на кухню посмотреть, что там готовит к празднику Агафья Федоровна.

Кухарка, вручив им по пирожку, тут же выпроводила, чтоб не мешали. Ох и вкусные пирожки у Агафьи – ароматная сладкая начинка и хрустящая корочка!

Сестры побежали к своей няне, Анисии Егоровне. Ее небольшая комната находилась как раз между кухней и лестницей, ведущей на второй этаж. У одной стены располагалась деревянная кровать, у другой – огромный сундук. Между кроватью и сундуком – маленькое оконце, выходявшее на глухой двор, и потому в комнате всегда стоял полумрак. Но девочкам убогая каморка их доброй няни, где было много икон и разноцветных лампад, очень нравилась. Лики святых в мерцающем свете лампад казались живыми. Когда няня по-крестьянски молилась: «Святые угоднички Божии, молитесь о нас, грешных», сестры становились рядом на колени и тоже усердно отбивали поклоны.

Теперь же, влетев в комнату няни, Аня сразу подбежала к Анисии Егоровне, протягивая ей пирожок:

– Няня, откуси, очень вкусно.

Анисия Егоровна улыбнулась:

– Знаю, деточка, что вкусно, но сегодня сочельник и до первой звезды кушать нельзя.

– Ах, – огорчилась Аня, – а мы уже поели.

– Вы еще ангелочки, вам можно, а мне, грешнице, надо ждать.

– А почему надо ждать звезду? – допытывалась Ольга.

– Почему? Толком-то не знаю, а что сама слышала от людей, могу рассказать.

Девочки тут же уселись на сундук и замерли в ожидании.

– Так вот, – начала Анисия Егоровна, – было это очень давно. На небе вдруг появилась звезда. Да такая яркая, такая красивая, что глаз не отвести. И стала та звезда по небу ходить, да людям рассказывать, что скоро, мол, родится на земле Христос – избавитель мира. Вот, мои касаточки, как все было-то. С тех пор весь христианский люд перед Рождеством на себя пост накладывает, а особенно накануне, в сочельник. Тут до первой звезды ни-ни.

– А разве звезды могут разговаривать? – с сомнением спросила Оля. – Мама нам говорила, что звездочки – это свечи, которые зажигают Ангелы, когда маленьким детям пора идти спать, а свечи разговаривать не могут.

Анисия Егоровна на мгновение смутилась, но сразу нашла что ответить.

– Мама вам правду сказывала, Ангелы их и зажигают, а то кто же еще? Только та звезда уж совсем необыкновенная. Она была Самим Господом зажжена, чтобы поведать о Рождестве, да заодно и научать народ, как правильно Богу кланяться. В те времена всяких нехристей много было. Так и в молитве поется: «Звездою учаясь Тебе кланяться солнцу правды».

– Няня, расскажи еще, – просят девочки.

– Ну что же, слушайте, коли не надоело.

Девочки не сводили с няни восторженных глаз. Слушали затаив дыхание о злом и коварном царе Ироде и добрых пастухах, об Ангелах, прославляющих рождение Спасителя. Когда няня рассказывала об избииении царем Иродом младенцев в Вифлееме, девочки даже заплакали. Анисия Егоровна, спохватившись, что слишком увлеклась рассказом, стала утешать сестренки:

– Ну что вы, родненькие, те младенчики святые – мученики за Христа. Они тыпереча ангелочками стали. Живут у Бога, на небушке, да и звездочки зажигают. Лучше я вам расскажу, как мы на сочельник ходили по дворам колядовать.

Анисия Егоровна стала рассказывать, как, будучи еще девчонкой, они с подружками и парнями наряжались, кто во что горазд, и ходили по дворам поздравлять односельчан с Рождеством. Потом она прокашлялась и вдруг с характерным народным подголоском запела:

Зазвонили звоны
Да по всей Вселенной,
Радуйся!
Ой, радуйся, Земля,

Сын Божий родился!

Сестры развеселились и стали уговаривать няню, чтобы она их обучила хоть одной колядке. Когда девочки пришли в зал, они бросились к матери, перекрикивая друг друга:

– Мама, мамочка, Ирод плохой, он хотел Христа убить! А Ангелы спасли! Они сказали Иосифу и Матери Божией: бегите, пока не поздно. Вот они и убежали. – При этих словах девочки звонко засмеялись, радуясь, как ловко Ангелы провели злого царя Ирода.

Прошла зима. Весной девочки прощались со своей няней навсегда. Анисия Егоровна возвращалась в деревню, а к сестрам была приставлена гувернантка-немка, чтобы обучать их грамоте. Сестры плакали, няня успокаивала их тем, что обещала иногда навещать.

Вместе с няней дом покидала теплая искренняя молитва к Богу. Чету Берестовых нельзя было назвать безбожниками. Они ходили по праздничным дням в храм и брали с собою детей. А один раз в год, на Страстной неделе, Александр Всеволодович даже говел и в Великий четверг причащался. Анастасия Аркадьевна причащалась, кроме Великого четверга, еще и на свой день Ангела. Иконы в доме тоже имелись, и лампадки перед ними горничная зажигала регулярно по праздникам и воскресным дням. Но перед этими иконами никто не молился. Как и вся либеральная интеллигенция того времени, они были совершенно равнодушны к вопросам веры. А вот у Анисии Егоровны, пока она жила в доме Берестовых, лампадка горела постоянно. Когда Анисия Егоровна становилась на молитву, девочки вставали с ней рядом и молились. Они любили слушать рассказы няни о чудесах Божиих, которые Анисия Егоровна с наивным простодушием перемежала с народными поверьями и сказаниями.

Элиза Арнольдовна, их гувернантка, может, и читала в своей комнате лютеранские молитвы, но девочки от нее имя Божие слышали лишь в постоянных восклицаниях к месту и не к месту «Mein Gott!» (Мой Бог – нем.) Педантичная и аккуратная немка была честной и доброй женщиной, но любовь своих подопечных даже после нескольких лет жизни в доме Берестовых так и не стяжала. а вот неграмотная и простая крестьянка Анисия Егоровна оставила глубокий след в сердцах девочек на всю жизнь.

Зато в семье Берестовых уделяли большое внимание усвоению правил хорошего тона. Приобретение внешних «приличных манер» ставилось в основу домашнего воспитания. «Манеры не пустяки, – не раз повторяла Анастасия Аркадьевна, – они плод благородной души и честного ума». Александр Всеволодович любил цитировать Наполеона Бонапарта: «Будущие хорошие и худые поступки ребенка зависят всецело от матери» – и от себя добавлял: «Домашний круг служит лучшей школой вежливости, и женщина в этом благом деле незаменимый наставник». Анастасия Аркадьевна вполне оправдывала эту веру мужа и с педантичной настойчивостью внушала дочерям:

«Хорошие манеры – это прежде всего изящество в обращении, которое является не менее важным условием для приобретения успеха в жизни, чем таланты».

Оля и Аня успешно с покорностью усваивали эти уроки, не нарушая общей гармонии семейного благополучия.

Глава 2. Оля

Оля и Аня совершенно не походили на родных сестер, ни внешностью, ни характером. Оля была девушкой сдержанной, рассудительной и даже несколько педантичной, поэтому считала своим долгом делать сестре замечания за ее, как Оля выражалась, «необдуманные поступки». Аня относилась к этому очень болезненно и не признавала старшинства сестры. Наоборот, будучи девушкой бойкой и самоуверенной, она ощущала в себе даже некое превосходство над сестрой, которое и старалась постоянно выказывать. Это соперничество приводило к частым ссорам по мелочам.

Соперничала в большей степени, конечно, Аня, стараясь во всем превзойти старшую сестру. Оля же почти никогда не была зачинщицей, зато всегда приходила мириться первой. Только один раз она не пришла мириться – после гимназического бала, устроенного в честь дня рождения императрицы Марии Федоровны. В женскую гимназию пригласили для танцев учеников мужской классической гимназии. Аня давно замечала, что сестре нравится гимназист старших классов Константин Тураньев, сын богатого уездного помещика. Ане тоже нравился Тураньев, но в этом она не призналась бы даже самой себе. В этот же раз, не столько из чувства соперничества, сколько из желания доказать свое женское превосходство над сестрой, она решила подразнить Олю. Как только Тураньев показался в зале, Аня, проходя мимо него, как бы невзначай обронила платок. Юноша, естественно, тут же подскочив, галантно подал ей его. Завязалась непринужденная беседа, и Тураньев пригласил Аню на первый танец. Но и весь остальной вечер он от нее не отходил. Ольга танцевала с другими кавалерами, но Аня, зорко наблюдавшая за ней, видела, как сестра бросает в их сторону взгляды, в которых отражалась мука ревности и отчаяния. Что-то наподобие упрека совести кольнуло Аню в сердце.

– Вам нравится моя сестра? – спросила она у Тураньева во время танца.

– Ваша сестра, – Тураньев покраснел, – она прекрасная девушка, – и взгляд его стал почему-то серьезным.

– Мне очень приятно это слышать, – холодно сказала Аня, – но вы не ответили на мой вопрос.

Тураньев заколебался. Танец в это время закончился. Аня, не дожидаясь ответа, присела в реверансе и уже собиралась уйти, как Тураньев удержал ее за руку. Аня посмотрела на него вопросительно и в то же время с вызовом. Юноша, покраснев еще больше, наклонил голову. Аню позабавило его смущение.

– Ну, что вы хотите еще сказать о моей сестре?

Тураньев, запинаясь, проговорил:

– Нет, не о вашей сестре.

– О ком же?

– Я хотел сказать, что вы... – он опять запнулся, – вы мне очень нравитесь, – наконец договорил Тураньев.

Теперь пришла очередь вспыхнуть Ане, но не от стыда перед Тураньевым. Она вдруг поняла, что поступила по отношению к своей сестре подло. Негодуя на свой поступок, Аня отчего-то почти возненавидела Тураньева. Резко выдернув руку, она почти бегом устремилась из зала.

Вернувшись домой с чувством вины, Аня все не решалась подойти к сестре. Оля тоже ее избегала. Уже на следующий день, проходя мимо Олиной комнаты, Аня услышала, что сестра плачет. Какое-то время она прислушивалась, а затем неуверенно постучала. Не услышав ответа, вошла. Оля уже не плакала, а в упор смотрела на Аню мокрыми от слез глазами. В ее взгляде Аня уловила что-то доселе ей неизвестное, какую-то твердость, непримиримость. Она

сама собиралась сразу же, как войдет к сестре, молить ее о прощении, теперь же, наткнувшись на взгляд сестры, в нерешительности остановилась.

– Почему ты такая злая? – Голос сестры дрожал. Это был не вопрос, а приговор.

– Да как ты можешь? Ведь я первая пришла! – Дальше Аня говорить не могла и выбежала из комнаты.

После этого случая сестры не разговаривали между собой почти два месяца. Неизвестно, сколько бы продолжалась эта размолвка, но Оля неожиданно заболела скоротечной чахоткой. Потрясенная болезнью сестры, Аня почему-то ощутила себя виновницей ее тяжелого недуга. Это чувство доводило ее до отчаяния. Уже несколько раз, обливаясь слезами, она просила у Оли прощения за все нанесенные обиды. Оля кротко прощала, но в душе Ани не наступало успокоения. Болела Оля недолго, всего шесть недель, и все это время Аня не отходила от нее.

За день до смерти сестры Аня сидела возле ее постели. Оля только что вкололи морфий. Аня с состраданием вглядывалась в изможденное болезнью лицо сестры. Светло-карие глаза Ольги от необычно расширенных зрачков казались черными. Они неотрывно смотрели на большую старинную икону Нерукотворного Спаса. Вдруг она ясным голосом произнесла:

– Аня, мне страшно умирать, но сейчас я молю Бога, чтобы смерть наступила скорей. Мне хочется успокоения.

– Зачем ты так? – с мукой в голосе проговорила Аня, взяв сестру за руку.

– Тебе это трудно понять. Я знаю, что умру, но мне хочется верить, понимаешь? Верить, что моя жизнь не закончится после смерти. Очень хочется.

– А разве ты не веришь? – спросила с замиранием сердца Аня.

Оля прикрыла глаза и долго молчала. Аня тоже молчала, боясь повторить вопрос. Наконец Оля заговорила:

– Мне хочется верить так, как верила наша няня. Ты помнишь Анисию? Помнишь, как мы с ней молились? Я хочу теперь иметь такую же детскую веру.

При этих словах она тихо заплакала.

– Сестренка, а ты верь, верь! – вскричала Аня с отчаянием, и у самой полились слезы. – Мы теперь вместе будем верить. Правда?

Едва заметная улыбка скользнула на лице Ольги.

– Правда, – тихо сказала она. – Я еще хотела просить тебя, когда я... ну словом, когда меня не станет, ты обещаешь молиться за меня?

– Оля, зачем ты так говоришь? – в испуге воскликнула Аня.

– Ты обещаешь? – снова повторила свой вопрос Оля.

– Да, я обещаю, но...

Ольга приложила палец к своим губам:

– Все, Аня, больше ни слова.

На следующий день она умерла.

Во время отпевания в храме Аня стояла, никого не видя, кроме лежащей в гробу сестры. Родные черты лица, застывшие навсегда, отзывались в душе Ани неподвижностью чувств и мыслей. Она была в полуобмороке. В чувство ее привел горячий воск, капнувший на руку. Она вздрогнула и, поправив свечу, невольно прислушалась к пению.

Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща,
Восплачите о мне, братие и друзи, сродницы и знаемии:
Вчерашний бо день беседовах с вами,
И внезапно найде на мя страшный час смертный.

Сердце Ани затрепетало. Ей показалась, что сама Оля устами певчих обращается к ней.

– Все верно, верно, – прошептала Аня, – мы еще совсем недавно беседовали с тобой, а сейчас ты лежишь безмолвная. Нет, я тебя слышу. Говори, что я могу для тебя сделать, сестренка?

И снова в ее душу ворвались слова песнопения:

Но прошу всех и молю,
Непрестанно о мне молитесь Христу Богу,
Да не низведен буду по грехом моим,
На место мучения:
Но да вчинит мя, идеже свет животный.

С этой минуты для Ани все вокруг словно преобразилось. Из сердца исчезла тоска, осталась лишь тихая печаль. Она стала горячо молиться о упокоении души Ольги.

На следующий день, едваждавшись утра, Аня поспешила в храм к ранней обедне. После службы, съев просфору, она пошла на кладбище. Там, на Олиной могиле, читала Псалтирь, а потом просто сидела и вспоминала детские годы, проведенные с сестрой.

Глава 3. Решение

Болезнь и смерть сестры очень изменили Аню. Она стала задумчива и полюбила уединение. Теперь девушка ходила в храм на службы почти каждый день, чем очень беспокоила своих родителей.

Наступила Великая пятница Страстной недели. Аня стояла возле вынесенной плащаницы и слушала проповедь настоятеля собора протоиерея Владимира Каноникова.

– ...Мы искуплены дорогой ценою, говорит святой апостол Павел. Вот эта цена, – отец Владимир указал рукой на плащаницу. – Перед нами лежит Господь мертвым во Гробе. Страшно подумать: чтобы жил человек, умирает Бог. Да, дорогие мои, такова цена Божественной любви. И нет больше той любви, как положить душу свою за други своя. Подумайте об этом, подходя прикладываться к святой плащанице, и задайте себе вопрос: можем ли мы иметь такую любовь, чтобы по ней узнали, что мы ученики Христа? и какую жертву мы с вами можем принести Христу? Я говорю не о пожертвовании на храм, а именно жертву Богу нашему. Богу, который не имеет нужды ни в чем, кроме нашей ответной жертвенной любви...

Аня шла к плащанице, мучительно размышляя, что же она может принести в жертву Христу. Уже подойдя к плащанице и поцеловав ноги Христа, она вдруг подумала, что могла бы принести Христу в жертву свою жизнь. Всю жизнь без остатка. И ей стало хорошо и легко на душе от этой мысли.

Целуя Евангелие, лежащее на плащанице, Аня прошептала: «Господи! Прими мою жизнь Тебе на служение и не разлучай меня с Собою никогда».

Прошло сорок дней со смерти Ольги, и Аня заговорила о монастыре. Родители испугались не на шутку и стали убеждать Аню не губить свою жизнь.

«Надо жить как все. Всему должна быть мера, – говорили они. – Одно дело безграмотная старуха, которой, кроме как в религии, не в чем больше проявить свои духовные запросы, другое дело ты – образованная и начитанная девушка. Ты собираешься похоронить себя заживо в монастыре, а о нас ты подумала? Мы только что потеряли Олю, есть ли у тебя хоть какое-то чувство к нам, твоим родителям?»

Аня все равно продолжала настаивать на своем.

– Я этого допустить не могу, – негодовал Александр Всеволодович, – это просто блажь и более ничего. Как это, позволь тебя спросить, согласуется с заповедью почитания родителей и, наконец, с заповедью любви? Это же просто фанатизм какой-то. Средневековье, вот что это.

– Папа, – почти плача, проговорила Аня, – вспомни слова Христа: «Кто возлюбит отца или мать более Меня, недостоин Меня».

– Не могу понять этой заповеди, – продолжал кипятиться отец, – просто не понимаю, и всё. Это выше моих человеческих сил.

С началом июня семья Берестовых начала готовиться к выезду за город на дачу, где обычно проводила каждое лето. К этому времени Аня уже стала посещать Введенский женский монастырь, стоявший на окраине города. Она вновь напомнила о своей просьбе и умоляла родителей оставить ее на жительство в монастыре хотя бы на одно лето. Супруги не желали слушать дочь, и все закончилось слезами. Когда Аня, рыдая, убежала в свою спальню, Анастасия Аркадьевна обратилась к мужу:

– Милый, я больше этого не выдержу, надо что-то предпринимать.

Александр Всеволодович, нахмурившись, молчал.

– Послушай, не разумнее ли отпустить Аню на время в монастырь? Она же не представляет себе, что это такое. Жизнь в монастыре приведет ее в чувство скорее, чем все наши доводы.

– Хорошо, – сказал решительно Александр Всеволодович – только прежде я бы хотел, чтобы ты, вместе с Аней, поговорила с настоятелем собора протоиереем Владимиром Канониковым. Он грамотный и передовой священник, и я думаю, сможет убедить Аню оставить мысли о монастыре.

На том и порешили.

Глава 4. Отец Владимир

Анастасия Аркадьевна и Аня сидели с отцом Владимиром в гостиной и пили чай. Хозяйка успевала угощать батюшку и одновременно рассказывать о возникших в семье разногласиях между родителями и дочерью. Отец Владимир солидно, по-купечески, пил чай из блюдца, изредка посматривая в сторону Ани, а ей в его взглядах чудилась усмешка. Анастасии Аркадьевне очень хотелось, чтобы батюшка проникся пониманием их родительской обеспокоенности судьбой дочери. Поэтому она очень волновалась и уже несколько раз повторяла одно и то же, не замечая этого. Отец Владимир спокойно слушал и, не прерывая чаепития, кивал в такт ее речам головой. Анастасия Аркадьевна, обнадеженная таким вниманием известного протоиерея, неожиданно с темы разговора о монастыре перешла на свою любимую тему о жизни в Петербурге. Отец Владимир и на это продолжал кивать головой. Закончив третью чашку чая, он перевернул ее вверх дном и поставил на блюдце. Затем глубокомысленно возвел свой взгляд к потолку и поднял руку с указательным пальцем вверх. Анастасия Аркадьевна остановилась в своем словоизлиянии и с недоумением посмотрела вначале на потолок, затем на батюшку.

– Да-с... – произнес отец Владимир, – чаек у вас превосходный. – И тут он всем корпусом повернулся к Ане и задал неожиданный вопрос: – А не жалко вам, сударыня, оставлять таких прекрасных родителей?

Аня в растерянности молчала, не зная, что на это ответить. Анастасия Аркадьевна тут же заулыбалась, видя в этом вопросе поддержку ее мнения.

– Что же вы, сударыня, молчите? – продолжал допытываться протоиерей.

– Жалко, – ответила Аня с замиранием сердца, опустив голову.

– Жалко, и все-таки хотите уйти в монастырь?

– Да, хочу, – почти пролепетала она.

– Превосходно! – воскликнул протоиерей, вставая со своего стула.

Мать и дочь встали вслед за ним. У Анастасии Аркадьевны вытянулось и побледнело лицо. Отец Владимир повернулся к ней и, словно не замечая перемены, продолжал:

– Любезная Анастасия Аркадьевна! Верите ли вы, что, когда я в храме читаю евангельское зачало – то самое, где Христос призывает первых учеников, а они, оставив отца и лодки, полные рыб, заметьте, не пустые, а полные, идут за Христом, – душа у меня замирает от восторга. Сколько же надо было иметь веры! Какую надо было иметь любовь к Спасителю, чтобы совершить этот поступок в обществе, где почитание родителей было священным долгом, заповеданным Самим Богом через пророка Моисея.

– Так то же были апостолы, – как-то неуверенно произнесла Анастасия Аркадьевна.

– Да какие там апостолы, – махнул рукой протоиерей, при этом широко улыбаясь, – простые рыбаки, вот кто они были такие. Это Христос из них апостолов сделал, а так рыбаками бы и остались.

Брови у Анастасии Аркадьевны поползли вверх, что было выражением ее крайнего удивления. А протоиерей опять повернулся к Ане:

– Смотрите, Анна Александровна, в Писании сказано: «Взявшийся за плуг и назад оборачивающийся, Царства Божия недостоин».

Потом он вновь обратился к Анастасии Аркадьевне, которая и не пыталась скрыть своего разочарования:

– Анастасия Аркадьевна, голубушка, не скорбите заранее. Пусть ваша дочь побудет в монастыре какое-то время. Там ведь не мед. Если это несерьезно, она сама к вам скоро вернется, а уж если это дело Божие, – при этих словах протоиерей развел руками, смешно выгнув губы уголками вниз, – тогда, простите великодушно, мы с вами не имеем права идти против Христа, Господа нашего. Вот так-с... а чаек у вас просто чудесный. Александру Всеволодовичу

кланяйтесь от меня низко. Умнейший человек. Заверяю вас, Анастасия Аркадиевна, таких, как ваш муж, в нашем городе еще только два человека.

Отец Владимир еще раз поклонился и пошел к выходу, оставив Анастасию Аркадьевну в полном недоумении. Постояв немного, она кинулась вслед уходящему протоиерею.

– Отец Владимир, одну минутку!

Батюшка остановился, вопросительно глядя на нее.

– Отец Владимир, так удовлетворите же мое женское любопытство, кто же еще эти два человека?

– А, значит, вы согласны с тем, что Александр Всеволодович умнейший человек? Прекрасно.

Анастасия Аркадьевна засмеялась и кокетливо погрозила пальцем отцу Владимиру.

– Зачем вы так? Я же спросила о тех двоих.

– Хм... я думаю, вы сами догадались, что эти двое мы с вами. – И отец Владимир уже откровенно засмеялся.

Проводив отца Владимира до дверей, Анастасия Аркадьевна вернулась уже в хорошем расположении духа.

– Ладно, собирайся. Поживешь немного, а там будет видно.

Нужно ли говорить, какая радость охватила Аню при этих словах! Ведь если бы родители не отпустили ее в монастырь, ей пришлось бы послушаться их воли. Да, было достаточно примеров святых угодников Божиих, уходивших из дома вопреки родительской воле. Но, что и говорить, это было нежелательной крайностью, и, когда нужда в ней отпала, сердце девушки возликовало. Ане казалось, что она преодолела единственное препятствие, мешающее ей жить во Христе и со Христом.

Глава 5. Монастырь

Еще будучи простой прихожанкой, Анна очень полюбила монастырь, этот уголок казался ей раем на земле. Ей нравились монастырские неторопливые службы, тихое, душевное пение монахинь. Чистый дворик, вымощенный камнем, цветочные клумбы вдоль дорожек. «Что может быть лучше мирного и безмятежного жития в этом благодатном месте молитвы», – думала она, глядя на молодых послушниц с некоторой долей зависти. А сама игуменья, матушка Варвара, представлялась Ане мудрой и доброй мамой всех сестер. Она была каждый раз неизменно приветлива и ласкова, когда Аня приходила в монастырь на службу, и никогда не отпускала домой без гостинца. «Ах, как хорошо жить под водительством такой матери игуменьи», – думала Аня, с обожанием глядя на настоятельницу, и вот теперь ее мечта должна была исполниться!

Уход в монастырь казался Ане не бегством от мира, а просто обретением того состояния, что жаждала ее душа. Ведь жаждала она посвятить всю свою жизнь Богу. Монастырский образ жизни представлялся ей единственно возможным для нее существованием на земле. В ее сознании монашество не противопоставлялось миру, но было уделом немногих избранных, и Аня вполне ощущала себя этой «избранной».

Картина недавней беседы с отцом Владимиром словно повторилась. Но теперь уже мать и дочь сидели в покоях игуменьи Варвары, и Анастасия Аркадьевна рассказывала матушке настоятельнице о своих семейных горестях и о благословении отца Владимира. Игуменья слушала ее, опустив голову, и молча перебирала четки.

– Пожалуйста, – говорила Анастасия Аркадьевна игуменье, – не делайте моей дочери снисхождения. Посылайте ее на самые тяжелые послушания, заставляйте делать все, что делают другие, тогда она узнает, что такое монастырь.

При этих словах игуменья подняла голову:

– Не беспокойтесь, Анастасия Аркадьевна, мы ни для кого не делаем снисхождения. Обещаю вам, что в течение долгого времени я буду испытывать вашу дочь. Если она не выдержит нашей строгости, то вернется домой. Все в воле Божией.

После ухода Анастасии Аркадьевны настоятельница посмотрела на Аню долгим задумчивым взглядом. От этого взгляда Аня вся смешалась и покраснела.

– Вы еще молоды, – наконец вымолвила игуменья, – да и к труду едва ли приучены. Вам будет трудно у нас. Но ничего не поделаешь, все поступающие проходят эти испытания, и я не лукавила перед вашей матерью, предположив, что вскоре вы и сами захотите уйти от нас.

– Все, что только будет приказано вами, я постараюсь выполнить, хотя бы мне пришлось умереть за святое послушание, – пылко воскликнула Аня.

– Ну, милая моя, – улыбнулась игуменья, – умереть мы вам не дадим. Пока будете жить в монастырской гостинице для трудниц, ходить в храм и на послушания. Присмотритесь к иноческой жизни, и тогда, если будет Богу угодно, назову вас своим чадом и вы будете облачены в одежды послушницы. Теперь помолимся! – Она открыла Псалтирь и начала читать: «Господь пасет мя и ничтоже мя лишит...»

Прочтя псалом и благословляя Аню, игуменья на прощанье наставляла:

– В обители с сестрами не разговаривайте. Никому не говорите, кто вы и зачем сюда пришли. Два слова должны быть у вас на устах: благословите и простите. Старшая по гостинице монахиня Силуана, ее слушайте во всем.

Матушка Варвара взяла со стола маленький серебряный колокольчик и позвонила. Вошла молоденькая келейница игуменьи Таня. Она поклонилась матушке Варваре и молча ждала ее распоряжений.

– Вот что, Танюша, отведи эту девушку к матери Силуане, чтобы она поселила ее и дала послушание.

Аня поклонилась матушке игуменье до земли и последовала за Таней. Пока они шли, Таня не проронила ни слова. «Куда же мы идем?» – думала Аня, пока они, миновав сестринский корпус и выйдя за ограду, не оказались в монастырском хозяйственном дворе. Сбоку от хозяйственных построек стоял старый, покосившийся деревянный двухэтажный дом. К нему-то и направилась Таня.

Они вошли в небольшую прихожую, вправо и влево от которой расходились два коридора с дверями. Прямо из прихожей на второй этаж вела узкая деревянная лестница. Под лестницей напротив окна за столом сидела пожилая монахиня и читала вполголоса Псалтирь. Когда девушки зашли, она отложила книгу и, сняв очки, подслеповато посмотрела на них. Таня, не дожидаясь, когда монахиня разглядит их, сказала:

– Мать Силуана, я, по благословению матушки игуменьи, новенькую привела.

– А, новенькую, а то я гляжу, вроде не наша. Ну и слава Богу! Работы всем хватит. – И монахиня Силуана пошла к лестнице, поманив за собой Аню.

Аня последовала за ней по скрипучим ступенькам. Наверху так же, в разные стороны, расходился коридор, в каждом не менее четырех дверей. Матушка Силуана свернула направо и толкнула первую дверь. Там оказалась комната с двумя деревянными кроватями и небольшим столом, в углу напротив икон стоял аналой, покрытый домотканым покрывалом и расшитым красными нитками полотенцем.

– Здесь, милая, будешь жить. Да каким же именем ты крещена?

– Анной, в честь пророчицы Анны.

– Пророчицы, значит, – улыбнулась монахиня, – ну, располагайся и спускайся ко мне. Да, вот еще: с тобой в келье живет Акулина, сейчас она на послушании.

Аня разложила свои вещи и спустилась к матушке Силуане на первый этаж. Монахиня уже ждала ее.

– Вот тебе, Аня, ведро и тряпки. Сходи за водой к колодцу и вымой полы во всей гостинице.

– Благословите. – Аня низко поклонилась и, взяв тряпки с ведром, пошла за водой в указанное матушкой место.

Ане было стыдно и страшно. Ведь она ни разу в жизни не мыла полов. «Как мне исполнить мое первое послушание и не посрамиться?» – с горечью думала девушка, неся от колодца ведро воды. Когда Аня начала мыть полы, Силуана какое-то время понаблюдала за ней. Видя, как девушка неумело возит тряпкой по полу, монахиня не выдержала, подошла, взяла из ее рук тряпку и стала учить. Когда Аня с горем пополам домыла полы, матушка Силуана велела ей умыться и привести себя в порядок, чтобы идти в трапезную, а затем в храм.

Глава 6. Акулина

Впервые Аня увидела Акулину, вернувшись после службы из храма в свою келью. За столом сидела рябая светловолосая деревенская девушка в сером платке, повязанном сзади на шее узлом, в платье из грубой домотканой холстины с надетым поверх него фартуком. На ногах ее были холщовые онучи, заправленные в лапти. Она с какой-то торопливой жадностью ела краюху ржаного хлеба, запивая его из кружки водой. Когда Аня неожиданно вошла в келью, крестьянка поперхнулась и закашлялась, отчего все ее лицо побагровело и рябые пятна выступили еще отчетливее. Аня, тоже растерявшись, осталась стоять в дверях кельи. Кое-как проглотив хлеб, крестьянка проговорила:

– В поле работала, к трапезе опоздала. А чего вы стоите? Проходите, барышня, милости просим. Мать Силуана про вас мне уже говорила. Вместе тутача жить нам. Начальству-то виднее, только вам бы, барышня, не с такой, как я, обитаться.

– Вы Акулина? – только и спросила Аня.

– Ох, уж вы скажете – Акулина! Акулькой меня все кличут.

– Я вас буду Акулиной звать, а меня зовут Аня.

– Мне вас так неудобно, отчество бы ваше знать, было бы куда легче.

– Александровна. Только зачем же по отчеству, коли мы с вами обе на послушании.

– Так поспособней, а без отчества у меня и язык не повернется.

Такое соседство Аню покорило. Акулина ей вначале очень не понравилась. Аню оскорбляло близкое присутствие человека, которого она считала намного ниже себя по достоинству. Все в Акулине вызывало протест: ее грязные ногти, неопрятная одежда, то, что она чавкала во время еды, и, главное, запах, исходивший от нее. Но вскоре, начав работать на земле, Аня заметила, что чернозем забивается и под ее ногти и въедается в руки. Не было ни сил, ни времени, чтобы следить за собой – после полевых работ наваливалась страшная усталость. Едва хватало сил, чтобы, отстояв вечернее правило, кое-как умыться лицо и руки, а затем сразу провалиться в сон! Баня же была только по субботам, и вскоре Аня уже не замечала запаха Акулины, так как и сама, пропитанная потом и пылью, благоухала не лучше. Пахнущая духами барышня-чистюлька словно испарилась. Теперь была трудница Анна, мало чем отличающаяся от других трудниц. Она с большим трудом привыкала к физическим работам, и как не убежала из монастыря в первые дни, один Бог ведает. Ее учили запрягать лошадь, ездить в телеге. Лошадь не слушалась, и вместо того, чтобы идти в поле, шла к своему стойлу в конюшню.

Аню, как и ее соседку Акулину, определили к послушанию на огород. Все казалось Ане невыносимо трудным, и не раз приходила мысль все оставить и возвратиться домой, к родителям.

Уже на второй день ей пришлось пропалывать гряды с только что взошедшей свеклой. Каждой послушнице был задан свой урок. Гряды свеклы уходили, как показалось Ане, чуть ли не за горизонт. Монахине, дававшей послушницам уроки, пришлось долго объяснять Ане, как отличать сорную траву от всходов свеклы и как надо пропалывать. Уже через два часа работы у Ани кружилась голова и не разгибалась спина. Казалось, еще немного – и она упадет и больше уже не встанет никогда. Другие послушницы ушли от нее далеко вперед. «Когда же будет колокол к обеду, – чуть не стонала про себя Аня, – Господи, помоги мне. Поддержи меня, Господи. Матерь Божия, не оставь меня», – шептала она молитвы и рвала, рвала опротивевшие ей сорняки. Незадолго перед обедом пришла монахиня Корнилия посмотреть выполненные уроки и, увидев, что Аня не сделала и половины, стала строго ее отчитывать. Ане показалось, что мать Корнилия невзлюбила ее с первого раза. Пока Корнилия выговаривала Ане, что та ленива, ничего не умеет и зачем только она вообще пришла в монастырь, девушка стояла,

опустив голову. В ее душе стыд сменялся горечью, а уже после возникала глубокая неприязнь к монахине.

– Ну вот что, милая, – сказала монахиня Корнилия, – после обеда вместо отдыха придешь сюда и будешь доканчивать свой урок.

В обители был устав общежительных монастырей Федора Студита. Ежедневно совершалось правило в половине четвертого утра. После полунощницы начиналась обедня, а после обедни завтрак, и все шли на послушание. В двенадцать часов обед и час отдыха. Затем снова послушание до вечера. И вот, когда после обеда все разошлись по кельям для отдыха, Аня, глотая горькие слезы, пошла в монастырский огород. Подойдя к своей гряде, она перекрестилась и прошептала: «Господи, благослови. Матерь Божия, помоги мне, грешной».

Спину ломило с непривычки, но Аня заставила себя наклониться к земле и начать прополку. Вдруг неожиданно послышалось негромкое пение:

Не одна то ли, да не одна, э, во поле дорожка,
Во поле дороженька она про... пролегала, пролегла.

Аня подняла голову и, к своему удивлению, увидела невдалеке от себя склоненную над ее грядой Акулину, которая, быстро, привычными движениями пропалывая свеклу, вполголоса напевала:

Заросла то ли, да заросла, э, во поле дорожка,
Во поле дороженька она за... заросла, заросла.
Как по той, то ли да, как по той, э, по дорожке,
По той по дороженьке нельзя ни... ни проехать, ни пройти.

Первым порывом Ани было сказать Акулине, чтобы уходила, но она не посмела. Вдвоем они быстро завершили урок и еще полчаса отдыхали до следующего послушания. Аня только и сказала ей:

– Спаси тебя Христос, Акулина.

– Да чаво там, – смутилась Акулина, – разве это работа, вот дома в деревне, там тяжельше, а тут чаво не работать, одно удовольствие.

Этот случай послужил началу сближения обеих послушниц. Со временем Аня немного узнала о судьбе своей соседки. Акулина была из бедной крестьянской семьи. Четырнадцать детей, и из них двенадцать девчонок. Двое мальчишек подросли – работники, а от девок на крестьянском дворе много ли проку? Потому, когда отцу Акулины представился случай отдать ее в монастырь, он был очень рад – и дочь пристроена, и на один рот меньше. «В замуж-то кто возьмет такую рябую, да еще без приданого? – сетовал отец. – А вековухой быть, так лучше монастырь». Акулина на родительское решение не роптала. «Значит, так Богу угодно», – говорила она Ане. В монастыре ее как хорошую работницу ценили, только вот уже три года она на послушании, а в разряд послушниц не зачислена.

– А как же другие? – интересовалась Аня.

– Со мной вроде вас жила, так только год – и одели в подрясник. Мне-то чего, в мирском сподручнее работать. Вы тоже, Анна Александровна, недолго здесь пробудете.

Постепенно Аня втягивалась в монастырскую жизнь. В кельях стряпня строго-настрого запрещалась. Ходить по кельям без благословения не разрешалось, а мирским вообще запрещался вход в кельи, даже родным. Свободные от послушаний часы, в воскресенье после службы, они с Акулиной проводили в келье. Узнав, что Акулина неграмотна, Аня стала обучать ее чтению, предварительно испросив на то благословение матушки игуменьи. Мать Варвара после ее просьбы надолго задумалась, а потом спросила:

– Ты думаешь, ей нужна грамота?

– Она бы могла сама читать Псалтирь, – робко сказала Аня, с надеждой поглядев на мать игуменью.

– Блажь это все, ну да ладно, – смягчилась матушка настоятельница, – коли сможешь, научи.

Глава 7. Испытания

В храме сестры стояли рядами, за каждой сестрой закреплялось место. Место игуменьи было сзади, и она всех сестер видела. Опаздывающих в храм ожидал выговор, а иногда и наказание. Долгие службы, в отличие от физических работ, Анне давались не тяжело. Но ей очень хотелось петь на клиросе. У нее было хорошее сопрано, и она это знала. Аня замечала, как умилялись гости, когда она исполняла дома под фортепьяно романсы. В гимназии ее тоже выделяли. Когда отбирали девочек для пения в городском соборе прокимна «Да исправится молитва моя» на Преждеосвященной литургии, ее неизменно ставили первым сопрано. Теперь она надеялась проявить свои способности на клиросе в монастыре, однако на клирос ее не благословляли. Аня очень огорчалась и досадовала на эту, как ей казалось, несправедливость.

Другой, даже еще большей, неприятностью была монахиня Корнилия. Порою Анне казалось, что Корнилия придирается к ней по всяким пустякам. Аня была уверена, что Корнилия специально преследует ее, чтобы выжить из монастыря. Узнав, что Акулина в тот день помогла Анне довершить свой урок в поле, она сделала Акулине строгий выговор и запретила впредь без благословения чем-либо помогать Анне в поле. Однажды Корнилия послала Аню с ведром на источник за водой. Идти по лесу для Ани было одно удовольствие. Набрал воды, она шла обратно. Размечтавшись о чем-то, Аня споткнулась о корень дерева и упала, пролив всю воду. Пришлось идти обратно. Когда она пришла с водой, мать Корнилия стала ее строго отчитывать за промедление, а в конце добавила:

– Тебе никогда не быть ни послушницей, ни монахиней в этом монастыре.

Анне стало страшно обидно от угроз матери Корнилии. Обида не проходила долго. В это время шел покос, жали серпами озимый хлеб на монастырских делянках. Работали от зари до зари. Некогда было ходить даже на службы.

– Здесь, на поле ваша служба, – говорила им монахиня Корнилия.

Как-то, вернувшись поздно с работы, Аня с Акулиной не успели к вечерней трапезе и получили на кухне лишь краюху хлеба и несколько холодных картофелин. Очень хотелось горячего, вот Аня и надумала принести в келью самовар и приготовить чаю. Самовар стоял в кладовке на первом этаже, и она об этом знала. В келье готовить ничего не благословлялось, и поэтому Аня решила взять самовар тайком от матушки Силуаны. В келье она поставила самовар на подоконник, чтобы труба от него выходила в окно. Уже когда самовар вскипел, Аня, к своему ужасу, увидела идущую к гостинице мать Корнилию. Монахиня явно видела дым из окна и спешила к гостинице. Аня решила быстро вынести самовар из кельи, но в спешке получилось неловко, и она больно обожглась. Вскрикнув, Аня уронила самовар, и тот выпал из окна кельи, рассыпав веером горячие угли по земле чуть ли не у ног матушки Корнилии. Монахиня отпрыгнула в сторону, потом стала затапывать угли в землю. Вслед за этим Корнилия поднялась в келью, и на Аню обрушилась буря гнева. В конце обличительной речи Корнилия пригрозила, что, как только мать настоятельница вернется из поездки в губернский город, она все узнает. Аня представила себе, как будет выглядеть перед родителями, с позором выгнанная из монастыря, и всю ночь проплакала. Не зная, как ее утешить, Акулина неловко топталась перед кроватью Ани, повторяя одно и то же:

– Ну, будя вам убиваться так.

В душе у Ани было опустошительно тоскливо. «Вот и все, – думала она, – но почему все так быстро закончилось, ведь я только начала свой путь! Если бы не мать Корнилия, если бы это был другой монастырь, все было бы иначе».

Она встала с постели. Акулина уже лежала на своей койке, отвернувшись к стене.

– Акулина! – позвала Аня.

Акулина обернулась, и Аня увидела в ее глазах слезы.

– Ты тоже плачешь? – удивилась Аня.

– Да раз вы плачете, мне-то чего остается? – как бы даже обиженно сказала Акулина.

– Добрая моя Акулина, – кинулась к ней в объятия Аня, – как же я без тебя буду!

– Почему без меня? – удивилась Акулина.

– Ты знаешь, я решила, что не буду ждать суда игуменьи, а убегу в какой-нибудь другой монастырь, где нет такой зловредной монахини Корнилии.

– Ба! – Акулина от удивления разинула рот. – Это вы шуткуете, как это можно взять да сбежать?

– А мне больше ничего не остается.

Аня стала решительно собирать в узелок свои вещи. Акулина некоторое время наблюдала, а потом сама стала собираться.

– Ты-то куда, Акулина?

– Мне везде одинаково, а без меня вы, барыня, пропадете. Пойду с вами, а там как Бог даст.

Прихватив свои вещи, они вышли из монастыря и направились к лесной дороге. Но только подошли к лесу, как остановились в испуге. Навстречу им шла схимонахиня Антония. На своих сгорбленных плечах схимница несла вязанку хвороста. Хотя в монастыре было всегда достаточно дров, но схимонахиня, жившая в отдельном домике среди монастырского сада, топила его только хворостом, который сама приносила из леса. Матушка Антония пристально посмотрела на беглянок, сняла с плеч вязанку с хворостом и молча поклонилась им в ноги. Аня с Акулиной упали на колени.

– Я не встану, – сказала схимница, – пока ты, сестра, не дашь мне слово вернуться в келью.

При этом схимница обращалась только к Ане, будто Акулины и вовсе здесь не было. Аня заплакала и, поклонившись схимнице до земли, сказала:

– Помолитесь за меня, матушка Антония, я иду в келью.

Все трое встали и молча вернулись в обитель.

Монахиня Корнилия не осуществила своих угроз и ничего не доложила о самоваре игуменьи, и это очень обрадовало Аню и вселило в нее новые надежды. Еще одна радость пришла, когда Акулина начала самостоятельно читать Псалтирь. Аня сказала об этом матушке игуменьи, и та захотела убедиться лично. Девушки очень волновались перед таким экзаменом. Акулина прочла, хоть и по слогам, указанный матушкой Варварой псалом, и та похвалила их. К себе обе девушки возвращались вприпрыжку от радости.

Глава 8. Послушница

Вот и прошло лето. Родители, вернувшись с дачи, пришли в монастырь навестить дочь. Анастасия Аркадьевна, увидев Аню, всплеснула в огорчении руками:

– На кого ты похожа, дочка? Ты только посмотри на себя. Как ты огрубела, Боже мой!

В этот день Аня как раз была на риге, где молотила рожь. Когда ее позвали, поспешила как есть, не успев переодеться. На ней были большие сапоги, все в пыли, голова замотана ситцевым платком, а поверх платья фартук из грубой мешковины.

Отец, глянув на Аню, горько ухмыльнулся и покачал головой, но промолчал. Кое-как успокоившись, Анастасия Аркадьевна поведала Анне, что Александра Всеволодовича переводят в Петербург, в Министерство просвещения Временного правительства, на важную должность. Анастасия Аркадьевна выдержала паузу, ожидая реакции дочери на эту новость. Аня, потупившись, стояла молча, выдавая свое волнение лишь тем, что теребила руками фартук.

– Доченька, ты слышишь, мы переезжаем в Петербург, тебе надо собраться и попрощаться с матушкой игуменьей.

Аня упала перед родителями на колени:

– Папа, мама, умоляю вас, не губите меня! Оставьте здесь, в монастыре. Я не могу больше в миру, я там помру.

Анастасия Аркадьевна заплакала.

– Ладно, ничего, видать, не поделаешь, – как-то отчаянно махнул рукой Александр Всеволодович. – Если ты действительно нашла свое счастье в монастыре, живи. Но если в конце концов поймешь, какую ошибку совершила, приезжай. Мы дочь свою всегда примем.

В это время подали коляску, и Аня кинулась на шею сначала матери, а потом отцу.

Слез у нее не было, просто все сжалось внутри и похолодело. Хотела попросить благословения у родителей, но так и не решилась.

Когда коляска подымалась в гору, Аня увидела спины родителей. Мамина голова склонилась на плечо отца. «Бедные мои, милые и одинокие», – пронеслось у нее в сознании, и вдруг пришло чувство, что видит она их в последний раз. Хотела бежать вслед, но подкосились ноги. Она села прямо на землю и горько зарыдала.

Вечером схимонахиня Антония, которая после случая с самоваром стала Аниной духовной наставницей, позвала ее к себе в домик.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она и тут же, не дожидаясь ответа, продолжила: – Знаю, тебе трудно, особенно сегодня. Мир оставлять нелегко. Вспомни святых, какую борьбу выносили они, порывая с миром, с язычеством.

Мать Антония долго утешала Аню и молилась вместе с ней. К себе Аня вернулась обновленная и окрепшая духом.

В Петербурге случился переворот, к власти пришли большевики. Может быть, все эти события сократили срок Аниного испытания. В конце ноября, когда выпал первый снег, матушка игуменья позвала Аню вместе с Акулиной и объявила им об окончании испытания. Одевали новых послушниц у матушки в гостиной. Вот уже пропеты трипеснцы и принесли сшитые апостольники, рясы и скуфьи. Собрались сестры посмотреть на чин облачения. Аня с Акулиной стояли перед игуменьей на коленях и их облачали при пении псалма: «Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся». Но вот они одеты, и игуменья произносит краткое наставление. Теперь Аня и Акулина, радостные и взволнованные, спешат в храм. По благословию игуменьи Аня становится на клирос. Пела она с таким чувством, словно все песнопения приобрели для нее какое-то новое, доселе неведомое значение. Каждое слово падало в ее душу и зажигало огнем пламенной веры и любви к Господу.

Мало что изменилось в быту Ани. Те же послушания и те же труды. Только перешли из гостиницы в сестринский корпус и обедали вместе с сестрами обители на втором этаже трапезной.

Трапезная в обители была двухэтажная, каменная, светлая, с иконостасом, расписанная картинами библейского содержания. Как-то раз Ане довелось впервые читать в трапезной за обедом. Пропели молитву, а читать никто не шел. Благодичная, мать Павла, подошла к Анне, слегка подтолкнув ее к аналою:

– Иди, сестра, читай.

Аня робко пошла. По мере чтения ее голос окреп, и читала она ясно и выразительно. По окончании трапезы сестры окружили Аню и благодарили, говоря:

– Как хорошо ты читаешь, похоже на то, как покойная наша матушка Елиферия читала. Анне было приятно слушать эти похвалы, и улыбка не сходила с ее лица.

После вечерней службы матушка игуменья повелела Анне зайти к ней в келью. Шла Аня с беспокойным сердцем. Подойдя к келье матушки игуменьи, дрожащим голом произнесла:

– Господи, Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!

Услышав ответное «аминь», она вошла в игуменские покои и подошла к настоятельнице под благословение.

– Больше на трапезе не читай, – сказала игуменья, благословляя ее.

– Почему? – вырвался у Ани невольный вопрос, когда она поцеловала руку игуменьи.

– У послушницы нет слов «почему». Твое одно слово должно быть – «благословите».

Ты читала хорошо, получила похвалу от сестер, но я издали наблюдала за тобой и видела, как наслаждалась ты похвалой, а похвала – ржавчина для души и особо опасна для монаха. Все в тебе не твое: голос, ум, здоровье – все это дал тебе Господь. Он привел тебя в эту святую обитель, а люди монастырские у Бога наперечет, немного их. Монах тот, кто совершенствуется внутренне. Как заметишь помысел, так и гони его. Поползнуться в грех дело человеческой немощи, попускается для смирения и уязвления совести, а пребывать без внимания к своим помыслам, без желания искоренить худые мысли – дело постыдное и губительное. Написано: «Елико падеши, толико восстави и спасеши».

Аня земно поклонилась матери настоятельнице и просила у нее прощения.

Глава 9. Тураньев

Начавшаяся Гражданская война до поры до времени обходила уездный городок Кузьминск стороной. Революционные события в России насельникам монастыря казались не только далекими, но и маловероятными. И только когда пришла весть о расстреле царской семьи, смутение, граничащее с ужасом, охватило весь монастырь. «Почему же небо не упало, когда подняли руку на помазанника Божия? – в страхе шептали сестры. – Никак последние времена наступают?» Действительно, наступали последние времена, но не мира, а обители, за стенами которой сестры думали в безопасности пережить смутное время.

Власть большевиков в Кузьминске была установлена без особых осложнений. Просто из губернского центра прибыли уполномоченные представители новой власти и взяли всё в свои руки. Право властвовать они подтвердили не только мандатами, но и отрядом вооруженных матросов. С приходом новой власти в городке стало твориться что-то невообразимое для его жителей, привыкших к спокойному и размеренному укладу провинциального быта. Арестовывали и препровождали в тюрьму каждого, кто вызывал хоть малейшее подозрение, а под подозрение мог попасть любой гражданин непролетарского происхождения. Монастырь пока не трогали, но сердца монахинь уже предчувствовали плохое. Вскоре были арестованы настоятель собора отец Владимир и еще несколько священников и монахов. Поговаривали, что арестовали их за служение панихиды по убиенному императору и его царственному семейству. Толком никто ничего не знал. Игуменья вместе с матерью благочинной уехала в губернский город к архиерею и долго не возвращалась. Еще раньше ее возвращения пришел слух, что арестован архиерей, якобы за участие в контрреволюционном заговоре. Верилось с трудом, что престарелый архиепископ участвовал в каких-нибудь заговорах. Приехавшая игуменья подтвердила арест архипастыря.

Меж надеждой и отчаянием прошло лето 1918 года, наступила осень. В монастыре готовились к престольному празднику Введения во храм Пресвятой Богородицы. Обычно в этот день к монастырю сходились многие крестьяне из окрестных сел и деревень. Шли по сельским дорогам крестными ходами с хоругвями и крестами. Но в этот раз служба уже началась, а еще ни одного крестного хода в монастырь не прибыло. Игуменья очень беспокоилась. Вскоре прибежал один крестьянин и сказал, что все дороги к городу перекрыты красными, ждут наступления Добровольческой белой армии и крестные ходы остановили, а мужиков, годных по возрасту к службе, тут же рекрутировали в красные части. После службы, уже к вечеру, в верстах пяти от монастыря послышались канонады орудий и выстрелы. К ночи все смолкло. Утром принесли радостную весть – город освобожден от большевиков. Из тюрьмы выпустили всех арестованных по обвинению в контрреволюции. Вновь налаживалась привычная жизнь. Открывались лавки и рестораны. в городском саду зазвучал оркестр, как в старые добрые времена. Мать игуменья, узнав обо всем, сказала с горечью:

– Не пьянствовать и веселиться надо, а молиться Богу о спасении земли Русской.

На следующий день Анне передали о желании какого-то офицера видеть ее. Матушка игуменья благословила послушницу выйти к посетителю, но только в сопровождении монахини Корнилии. В церковном дворе перед монастырским собором поджидал молоденький прапорщик. Анна хоть и с трудом, но узнала в нем Тураньева. Первым ее желанием было развернуться и уйти. Тураньев, словно почувствовав настроение Анны, поспешно шагнул ей навстречу:

– Анна Александровна, у меня к вам вести о родителях ваших.

– Что с ними? – в волнении воскликнула Анна и шагнула так близко к Тураньеву, что Корнилия громко хмыкнула, напоминая о приличии для послушницы монастыря.

– Успокойтесь, они живы и сумели выехать в Финляндию. Очень скорбели о вас.

– Слава Богу! – Анна облегченно вздохнула и перекрестилась.

Тураньев бросил взгляд на стоящую невдалеке монахиню Корнилию, и наступило неловкое молчание. Анна чувствовала, что Тураньев хочет что-то сказать, но не решается. Исполненная благодарности за известие о родителях, она не могла уйти сразу, не поговорив с ним хотя бы из вежливости.

– А как ваши родители? – спросила она, не поднимая головы.

– Их сожгли в нашей усадьбе.

– Как сожгли?! – вскрикнула Анна, подняв испуганный взгляд на Тураньева.

– Заперли в собственном доме и подожгли. – При этих словах Тураньев потупился.

– Кто?

– Разве вы не знаете? – Тураньев уже в упор смотрел на Анну.

Она молчала, понимая, что это не вопрос.

– Я буду их уничтожать, всех, – сказал вдруг Тураньев с таким ожесточением, что Анна отшатнулась от него.

Словно опомнившись, Тураньев вновь поник головой.

– Простите, ради Бога, Анна Александровна, и помолитесь за моих родителей. Честь имею.

Он козырнул и, четко, по-военному развернувшись, решительно зашагал к воротам монастыря. Анна стояла и смотрела ему вслед, пока он не скрылся за монастырской калиткой. Корнилиа слегка коснулась ее плеча:

– Пойдем, сестра.

Анна, не поворачиваясь к Корнилии, закрыла лицо руками и заплакала. Монахиня не стала ее успокаивать, а просто сказала:

– Ну что же, плачь. Ничто не омывает наши души от скверны мира сего, как слезы.

Эти слова Анну почему-то сразу успокоили. Она повернулась и с благодарностью посмотрела на монахиню.

– Что, сестра Анна, небось думала, что я мучительница и души у меня нет? Душа есть, да грехов много. Пошли, у них своя война, а у нас своя.

Через неделю подошли крупные силы красных, снова загрохотала канонада. В обитель стали свозить раненых белогвардейцев, и весь монастырь превратился в госпиталь. На второй день привезли Тураньева, раненного в живот. Умирал он мучительно, на глазах у Анны, морфия для обезболивания не хватало. Когда Анна с Акулиной перевязывали Тураньева, он очнулся и, узнав девушку, лихорадочно зашептал:

– Анна Александровна, как хорошо!

– Что же тут хорошего, барин, вон какая у вас рана. Это нехорошо, – сердито проворчала Акулина.

– О, сестра! Ты не понимаешь меня. Когда любишь, то и рана хороша...

– Прекратите, – умоляюще воскликнула Анна, – как вы можете? Я уйду сейчас.

– Не надо. Не уходите, я буду молчать, – как-то укоризненно сказал Тураньев и действительно замолчал.

К вечеру Анна сама пришла к постели Тураньева и присела рядом.

– Как вы себя чувствуете?

Он смотрел на нее долгим взглядом, словно не слыша вопрос.

– Вам больно? – снова спросила она.

На этот вопрос Тураньев попробовал улыбнуться, но от внезапного приступа боли у него получилась только гримаса.

Анна из сострадания взяла его за руку. Тураньев перестал корчиться и с благодарностью посмотрел на девушку.

– Вы думаете о Боге? – спросила Анна.

Тураньев отрицательно покачал головой.

– Но как же? – со страданием в голосе произнесла девушка.

– Я в Него не верил, – почти шепотом произнес Тураньев, – а как вы ушли в монастырь, совсем обиделся на Него. Хотя как можно обижаться на того, в кого не веришь? – Он криво усмехнулся.

– Может быть, теперь у вас есть причина поверить в Него? – с волнением произнесла Анна. Ей вдруг до боли в сердце захотелось, чтобы Тураньев поверил и умер в примирении с Богом.

– Есть причина, это вы.

– Я? – смутилась Анна.

– Да, вы. Когда кругом такая несправедливость и жестокость, трудно верить в Бога справедливого и милосердного. Но теперь, когда вы держите меня за руку, я готов в Него поверить.

– Вам позвать священника?

Тураньев отрицательно покачал головой.

– Мне достаточно вашего присутствия, чтобы быть с Богом.

Анна потупилась и даже хотела оставить руку Тураньева, но он слабым пожатием задержал ее.

– Я, наверное, вас огорчил? Но я не хочу быть неискренним в свои последние минуты жизни. Будете ли вы меня помнить, Анна Александровна?

– Я буду вспоминать вас молитвенно все то время, которое мне отпущено Господом для жизни на земле, – искренне ответила Анна.

– Тогда я спокоен, – сказал Тураньев, устало прикрывая глаза.

Он больше не произнес ни одного слова до самой своей смерти. Умер он ночью.

Глава 10. Беснование безбожников

После шести дней боев белые отступили. Город вновь был занят красными. В монастырь пришли чекисты вместе с несколькими красноармейцами. Они устроили обыск, а затем долго допрашивали игуменью в ее покоях. К ночи стали поступать раненые красноармейцы, и сестры стали ухаживать за ними.

Всех тяжелораненых белогвардейцев, которых не сумели взять с собой отступающие белые части, велели снести в одну палату. К этой палате поставили часового с винтовкой. Лекарств не хватало, и раненые в основном умирали. Но как только один подпоручик пошел на поправку, пришли чекисты и увезли его в городскую тюрьму.

Войска красных недолго простояли в городе и вскоре ушли. Оставшихся раненых отправили в губернский город, и монастырь вновь стал возвращаться к обычной своей жизни. Правда, долго это не продлилось. Накануне Михайлова дня монахини заметилидвигающийся к монастырю крестный ход. Не зная, по какому случаю совершается этот крестный ход, они вышли навстречу ему из ворот монастыря. Но чем ближе подходил этот крестный ход, тем страннее он казался насельницам монастыря. Вначале им показалось, что впереди крестного хода несут большую икону Божией Матери. Но, приглядевшись, они увидели, что это лишь один оклад от иконы. В отверстии оклада, где должен был находиться лик Пресвятой Богородицы, ко всеобщему ужасу монахинь, торчала чья-то физиономия, измазанная сажей. Она беспрестанно кривлялась, а грязные руки, просунутые в отверстия оклада, шевелились и показывали кукиши. Откуда-то выбежали двое молодых людей, наряженных в священнические ризы, и стали дико приплясывать гопака под гармошку перед кощунственным образом.

Инокния Марфа, вскрикнув, упала в обморок. Это вывело остальных из шокового состояния, и все кинулись за ограду монастыря, заперев за собою ворота.

В ворота стали колотить палками, а затем раздалось пение: «Вставай, проклятьем заклеянный...»

– Сатану призывают, – в страхе прошептала монахиня Фотиния и перекрестилась: – «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...»

Пение закончилось, и за оградой монастыря начался митинг. Ораторы ругали священников и монахов, называя их тунеядцами и кровопийцами.

Кричали, что религия – опиум для народа и ее надо уничтожить. Затем в ворота стали бить чем-то тяжелым, вскоре они упали. Безбожники ворвались в монастырь. Многие из них были пьяны и, схватив одну из монахинь, стали требовать показать, где хранится вино. Остальные сестры обитатели в страхе разбежались кто куда. Одни вбежали в собор и, упав на колени, стали молиться, другие попрятались в свои кельи и там, запершись, тоже истово молились. Анна почему-то побежала в монастырский сад к домику схимонахини Антонии. Кто-то грубо схватил ее за руку, и она отчаянно закричала.

– Пришибу, дура, не ори, – услышала она над собой грубый голос и в страхе обернулась.

Перед ней стоял парень в кепке, которые обычно носили рабочие с полотняного завода, и улыбался.

– Что вам от меня надо? – пролепетала она в страхе.

Парень засмеялся:

– Вот так-то лучше. А ты ничего, смазливая бабенка. Небось мужика еще не пробовала, а?

Анна вновь закричала и попыталась вырваться от парня. Тот сразу ударил ее так, что у нее помутилось в глазах. Вскоре она очнулась и почувствовала, что ее несут. Парень занес ее через широкие двери сарая и бросил на сено. Глупо ухмыляясь, он стал расстегивать брючный ремень. Анну охватили невероятный ужас и омерзение, она не могла отвести взгляд от ремня

и только повторяла: «Господи помилуй!» Вдруг ухмылка в мгновение ока сошла с лица парня, а глазные яблоки закатились под веки. Он беззвучно свалился на солому, и Анна увидела Акулину с огромной оглоблей в руках. Глаза подружки были вытаращены в диком испуге. Простояв так минуту, Акулина бросила оглоблю и заголосила во всю мочь:

– Мамочка родная, я убила человека! Люди добрые, что я натворила? Убила!

Парень в это время зашевелился и сделал попытку приподняться, но тут же со стоном повалился опять.

– Живой, живой, гад! – радостно воскликнула Акулина, вновь подбирая оглоблю, и замахнулась.

Вскочив на ноги, Анна бросилась к Акулине:

– Миленькая, ну что ты? Брось это! Бежим скорее!

Акулина посмотрела, словно не понимая, чего от нее хотят, на ворочавшегося в сене мужика и, наконец отбросив оглоблю, кинулась к воротам сарая. Анна побежала следом. Девушки неслись во весь дух по лесной дороге в сторону деревни Залесской.

Они прибежали в избу знакомой прихожанки монастыря Зои Филипповны. Хозяйка долго не могла добиться от них вразумительного объяснения. Наконец, отдышавшись и немного придя в себя, они сумели поведать Зое Филипповне о нападении безбожников на монастырь.

Попив чаю и окончательно успокоившись, стали думать, что делать дальше.

Было решено, что Зоя Филипповна сходит в монастырь и разузнает обо всем. Всю ночь они простояли на молитве, благодаря Господа и Пречистую Деву Марию за избавление от поругания.

На следующий день вернулась Зоя Филипповна, удрученная увиденным и услышанным, и рассказала, что «крестный ход» был организован губернским «Союзом безбожников» для борьбы с религией и «предрассудками».

Теперь в монастыре ЧК ведет следствие о покушении на рабочего полотняного завода Михайлова Протасия, которому одна из монахинь раскроила череп.

Он рассказал, что напавшая на него монахиня была красавицей неописанной, не иначе как она ведьма, а действовала заодно с чертом. Его товарищи по «Союзу безбожников» устыдили Михайлова за то, что он верит в ведьм и чертей, но монахиню стали разыскивать.

Михайлову показали всех монахинь монастыря, ни в одной из них он нападавшей не признал.

Чекисты выяснили, что из монастыря куда-то подевались две послушницы Анна и Акулина, их-то теперь и обвиняли в нападении на коммунара.

В город просочились слухи, что новые власти собираются закрыть монастырь, а все его хозяйство передать образовавшейся недавно сельхозкоммуне.

Из рассказа Филипповны стало ясно, что в городе послушниц будут искать, но и в деревне у всех на виду оставаться было опасно. Вот и решили они пробираться в губернский город.

Глава 11. Монахиня Корнилия

Анну с Акулиной арестовали прямо на пристани, где они собирались сесть на теплоход. Так что до губернского города послушницы добрались, но уже под конвоем солдат. Тюрьма – страшное место, а тюрьма тех времен страшна своей неизвестностью. Когда Анна с Акулиной бежали из монастыря, их гнал страх, а после ареста на какое-то время наступило успокоение. Будь что будет.

Две недели Анна с Акулиной просидели в переполненной камере, но никто с ними разбираться не торопился. Камеру постоянно пополняли новыми арестантами, а других, наоборот, уводили.

Ближе к вечеру из двора тюрьмы разносились ружейные залпы. Анна с Акулиной уже знали, что это идут расстрелы заключенных. Вновь стало страшно. Молились, но страх не проходил. Каким-то образом слухи о том, что творится в тюрьме, проникали и в их камеру.

Они узнали, что где-то рядом сидит отец Владимир Каноников. А вскоре пришло ужасное известие – отца Владимира расстреляли. Узнали и подробности расстрела.

Когда отца Владимира вместе с другими узниками вывели во двор тюрьмы на расстрел, батюшка так сердечно молился, что солдаты смутились и отказались расстреливать священника. Их командир подскочил к отцу Владимиру и, угрожая пистолетом, стал требовать, чтобы тот замолчал. Отец Владимир осенил его крестным знаменем и сказал:

– Стреляйте, я готов.

Тогда революционер пришел в такую ярость, что вместо того, чтобы стрелять, стал бить рукояткой пистолета по благословляющей его деснице. Рассказ о казни отца Владимира придал девушкам мужества, и они сами начали готовиться к смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.